

НЕПОЗНАННОЕ И ЗЛОВЕЩЕЕ.
ДНЕВНИКИ ТЕХ, КТО ВЫЖИЛ

ФИЛИП МАРТЫНОВ

МАПИНГУАРИ — ДЕМОН СЕЛЬВЫ

Филипп Мартынов

Мапингуари – демон сельвы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9361622

Филипп Мартынов. *Мапингуари – демон сельвы*: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-78841-5

Аннотация

Криптозоолог и заядлый путешественник Филипп Мартынов с командой единомышленников отправляется в Перу, на поиски обезьяны Де Луа – мифического существа, которое, по свидетельствам перуанцев, «имеет разум и ходит как человек». Обезьяна эта считается существом безобидным и пугливым, так что экспедиция обещает быть безопасной. Не экспедиция, а пикник. В веселом расположении духа криптозоологи отправляются в туманные леса в окрестностях древнего города Куско. Через несколько дней пути они неожиданно встречают в сельве неизвестное существо – огромное, зловонное, с чудовищными клыками и огненной шерстью. Монстр выглядит опасным и очень злым – на безобидную обезьянку он явно не похож...

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	13
3	19
4	32
5	47
6	52
7	55
8	62
9	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Филипп Мартынов

Мэпинуари –

демон сельвы

© Мартынов Ф., 2014

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Часть первая

1

Вам когда-нибудь доводилось бывать в экваториальных лесах Южной Америки? У них множество названий. Кто-то говорит, что это джунгли. Кто-то считает, что их следует называть «сельва». Третьи вообще не заморачиваются и предпочитают меткие словечки, вроде – «заросли», «чаща», «тропики», «непроходимые места», и утверждают, что «туда лучше не соваться». Так вот, все они в чем-то правы. Особенно последние. Если вы не хотите внезапно обнаружить, что человек – это вовсе не царь зверей, а еще у вас нет желания ловить под ногами змей, снимать с лица пауков, убегать от крокодилов и вытаскивать из штанов какого-нибудь мелкого грызуна, вы не собираетесь проводить под проливным дождем по пять-шесть часов в сутки, то никогда не суйтесь в леса Амазонии. И слушайте советов таких, как я, глупых неудачников, отправившихся невзвестно куда на свой страх и риск.

На самом деле я не подозревал, что окажусь по колено в вязкой грязи в диких непроходимых зарослях, без связи и транспорта, голодный, промокший и злой. Никто бы в здравом уме не согласился оказаться на моем месте. Я бы и сам

не согласился, если бы знал неделю назад, во что выльется невинный звонок старого приятеля.

Вообще, не доверяйте звонкам старых приятелей...

Звонил Мишка Дикань, в простонародье – Дик, искатель приключений, неисправимый романтик и доверчивый простофиля (о чем я узнал несколько позднее). В нем успешно сочетались модельная внешность широкоплечего блондина с лучезарной улыбкой, храбрость и безрассудность, а еще искренняя детская наивность, из-за которой Дик постоянно влипал в неприятности. Было у Мишки такое свойство – оказываться в эпицентре самых невероятных событий. Как будто где-то у него запрятан магнит, притягивающий все необычное, странное и удивительное. В современном мире, когда жизнь человека, порой, ограничивается стандартным набором «работа-дом-работа», Мишкино свойство смотрелось дико. Еще бы! У Мишки скопилось миллион историй о том, как он, не раздумывая, менял теплую постель в уютной квартире на земляной пол холодной палатки где-нибудь на краю света. Или как он охотился на китов в небольшой лодке в океане. Или как заблудился в лабиринте пирамиды в Египте, или как ел червяков в одной из провинций Китая, потому что не мог купить себе еды... Кто сейчас во всей Москве способен рассказать о таком? Кто вообще рискнет променять свой образ жизни на подобные приключения? А Дик мог. Свойство у него такое. Характер. Душа.

Впрочем, я, как старый Мишкин приятель, давно ко всему

привык и не удивлялся.

– Здравствуй, добрый человек, – весело сказал Дик в трубку. – Как погода в Москве? Слякотно, дождливо, безобразно?

– Плюс тридцать, – ответил я. Стояла середина лета. Жаркий июль вступил в свои права. Люди купались в фонтанах, солнце палило нещадно, и загореть можно было ничуть не хуже, чем на каком-нибудь курорте.

– Духотень! – констатировал Дик, посмеиваясь сквозь треск далеких помех. – Не хочешь вырваться на недельку за город? Природа, культурный отдых, экзотика. Расширишь кругозор, а?

Мы с Диком дружили уже лет десять. Я точно знал, что его «за город» и «культурный отдых» означали очередную поездку за тридевять земель в поисках приключений. Расстояние между Москвой и, скажем, Бангкоком – это для Дика не расстояние. Так, пол-локтя на карте. Да и не любил он культурных отдыхов. Простая вечеринка с шашлыками наводила на Дика смертную тоску. Если в компании не прыгали с парашюта, не катались на квадроциклах по бездорожью, не спускались с водопадов, то на такие вечеринки Дик предпочитал не заглядывать. Этому человеку вообще были чужды спокойные времяпровождения. Он вешался на стенку от скуки, если поблизости просто слушали музыку и пили кофе. Дику непременно надо было ввязаться в какую-нибудь авантюру.

«На том свете отдохнем» – это его любимая поговорка. Поэтому я с сомнением переспросил:

– Ты про отдых серьезно?

– Ну, не совсем, – кашлянул Дик. – И не совсем за городом. Ты же понимаешь, что я не просто так звоню. Дело есть. На миллион. Аннушка не даст соврать!

Аннушка – это невеста Дика, а еще дочь известного английского миллионера. На самом деле ее звали Анна Вэствейч. Год назад они познакомились в Таиланде, влипли в небольшое приключение (впутав, заодно, и меня), вследствие чего едва не разбежались, помирились и вот теперь колесили по свету вместе. К слову, Анна ни слова не понимала по-русски, а Дик чрезвычайно плохо говорил по-английски. Как они общались друг с другом – загадка. Разве что в ход шел пресловутый «язык любви».

– Рассказывай, – буркнул я.

На часах было десять утра, и до обеда я оказался совершенно свободен. Так почему бы не выслушать старого приятеля? Тем более за его счет. Я как раз стоял перед зеркалом, держа в правой руке зубную щетку, щекой придавил сотовый к плечу и собрался чистить зубы.

– ...так вот, – продолжал Дик. – Я уже второй месяц отдыхаю в Южной Америке. Отличные места, знаешь ли. Сельва, горы красивые, туманы, парилочка такая, как в бане... но природа, брат! Природа великолепная! Я такой природы никогда в жизни не видел! Нет, вру, в Бразилии был один раз,

но дальше этого Рио-де-Жанейро не совался. А тут сунулся! Так сунулся, что аж дух захватывает. Мы с Аннушкой и с палатками, в общем, мотаемся тут, изучаем дикую природу. Всякие, там, попугаи, обезьяны, ленивцы, крокодилы. Паука видел с два моих кулака! Страшный, зараза! А Анечка не испугалась даже. Палкой его потыкала промеж глаз, да и все. Что у тебя там шумит?

– Вода, – отозвался я и сплюнул зубную пасту. – У нас утро. Зубы чищу.

– А у нас час ночи. Прохладненько. Туман вокруг стелется. Зима же сейчас в Перу, знаешь? Не то что у вас.

– Рассказывай, что за дело на миллион?

Я слишком хорошо знал Дика. Он мог бродить вокруг да около целый час.

– В общем, Фил, дружище, гуляли мы, гуляли, и тут я услышал историю про обезьяну де Луа. Знаешь такую? Какой-то примат, вроде бы без хвоста, с тридцатью двумя зубами, как у людей, и еще ходил на задних лапах?

– Его видели единственный раз в двадцатых годах прошлого века.

– И еще раз сто в последнее время в лесах Перу! – Дик выдержал торжественную паузу, потом вкрадчиво, с интонациями рыболова, делающего подсечку, спросил: – Не хотите с Глебом смотаться ко мне и посмотреть на дивную редкую обезьянку вживую?..

Дик знал, чертяка, наши слабости.

Дело вот в чем: мы с братом уже много лет увлекаемся криптозоологией. Это такая наука (многие, правда, со мной поспорят), которая занимается поиском и изучением животных и птиц, считающихся давно вымершими или вообще никогда не существовавшими. Снежный человек, к примеру, типичный криптид, то есть существование его вроде как толком не доказано. Или чупакабра. А еще существуют морской змей, кракен, бигфут, андский волк, медведь нанди, единорог и эта самая обезьяна де Луа. Перечень криптидов постоянно растет. Сейчас, в век Интернета, любой энтузиаст может на коленке написать статью о выдуманном животном, заделать фотографии и выложить в Сеть. А народ чему только ни верит! Вот и приходится постоянно отделять зерна от плевел – подлинники от подделок, выискивать правды и полуправды, пополнять коллекцию слухов, фактов, догадок. Найти что-то действительно ценное очень сложно. В девяноста девяти случаях из ста полученная информация оказывается пшиком – выдумкой, подделкой, суеверием, страхом... Нам везло всего несколько раз. Глеб, например, обнаружил редкую бабочку в Австрии, а я открыл новый вид червей. Самая большая удача – гигантский морской змей, которого нашли в прошлом году в Таиланде. Это был воистину древний криптид-монстр, невесть как выживший в болотах Тая. Правда, когда я и Дик оказались с ним практически один на один, выяснилось, что я не очень-то готов вступать в схватку с разъяренным доисторическим чудовищем. Эта история надела-

ла много шума, поэтому я не буду вдаваться в подробности. Достаточно посерфить в Интернете и почитать.

– Ну, так как? – вкрадчиво осведомился Дик, источая елейное масло каждым произнесенным словом.

Я почесал затылок, совсем забыв, что у меня в руке зубная щетка.

– А доказательства сбросишь?

– Есть свидетельства десятка очевидцев, из перуанцев, следы зубов и когтей.

– А сама-то обезьяна попалась?

– Надо приехать и поймать, камрад! Я о чем и толкую. С ней тут связываться никто не хочет. Суеверный народ! А я, как услышал и расспросил, сразу о вас с Глебом подумал. Он же рвется в путешествия, твой старичок-то, а?

Глеб, которому скоро должен был стукнуть сорок первый год, вряд ли бы обрадовался подобному сравнению. С тех пор, как он женился, путешествовать становилось все сложнее. Семья, дети, другие цели, все дела. Жизнь иногда затягивает...

– Я с ним пообщаюсь. Сбрось все, что у тебя есть, идет? Глянем, идентифицируем.

– Ехать надо! – настаивал Дик. – Хочешь, я тебе десяток свидетелей притащу? Прямо к трапу самолета, а? В аэропорт привезу! На своих двоих! Не упускай этот шанс, дружище! Верно тебе говорю!

В прошлом году Дик собственноручно убил гигантского

змея. Он не хотел этого делать, но обстоятельства вынудили. С тех пор он (подсознательно, что ли?) чувствовал свою вину передо мной – я-то собирался оставить змея в живых – и то и дело пытался затащить меня на поиски какого-то очередного криптида.

– В общем, лови на почту кучу писем, подумай и решайся. Отказов не принимаю, сам знаешь!

Он повесил трубку, а я, наконец, нормально умылся.

С Диком всегда так. Налетает, как ураган, стремительно и без возможности укрыться, а затем так же стремительно исчезает, оставляя после себя хаос и разрушения в головах.

Заинтриговал ведь...

2

Скажу честно. Я отношусь к тому типу людей, которые легко поддаются убеждениям. После звонка Дика я готов был тут же собрать вещи и мчаться в аэропорт. Однажды я уже поверил Дику и в результате собственными глазами видел гигантского змея, в чьей огромной зубастой пасти мог уместиться средних размеров человек, да еще и место бы осталось. Только срочные дела удержали меня от безумной поездки в Южную Америку в тот же день. Правда, я тогда не знал, во что все это выльется...

В голове, конечно же, целый день крутились мысли о таинственной обезьяне де Луа. Я припомнил все, что о ней знал, освежил в памяти информацию.

На эту обезьяну наткнулся в начале двадцатого века швейцарский геолог (догадайтесь, как его могли звать?), путешествуя по Южной Америке в составе небольшой исследовательской группы. Ученым было не до приключений. Голод, воинственные индейцы и болезни изрядно их подкосили. Люди искали прибежища и двигались в сторону больших городов. На берегу реки они наткнулись на двух странных обезьян. Это были прямоходящие на задних лапах приматы, без хвостов и с куцей шерстью. Увидев людей, обезьяны начали вести себя агрессивно, в результате чего путешественники попросту выстрелили залпом из мелкокалиберных вин-

товок. Тут не до разговоров было, лишь бы выжить. Одна из обезьян погибла на месте, а вторая попросту удрала. В общем, ученые подивились находке, изучили тушу убитого зверя, обнаружили, что у нее в пасти тридцать два зуба, а не тридцать шесть, как у американских обезьян, да еще и ростом она была почти под два метра. Затем ее сфотографировали и потащили с собой. Уберечь тушу исследователи не смогли, довести до Европы – тоже. Даже кости и череп потеряли во время шторма. В те времена с доставкой вообще были проблемы. Единственным доказательством существования прямоходящей обезьяны стала размытая фотография, по которой сложно разобрать, подделка это или реально существующее животное. Я видел эту фотографию много раз, она и сейчас свободно плавает в Интернете. Ученый подпер мертвую обезьяну палкой и придал ей позу, чтобы примат более походил на человека, что ли. В результате, сидящая обезьяна, как по мне, смотрится неестественно и странно.

Само собой, за сто лет слухов разрослось великое множество, возникли местные легенды и мифы. Обезьяну де Луа много раз видели и много же раз ловили, но на данный момент результат был один – никакой похожей обезьяны никто так обществу и не показал.

Дик же прислал на почту действительно целый ворох фотографий. Среди вполне стандартных отпечатков обезьяньих лап и следов когтей на стволах деревьев попался любопытный слепок зубов на куске застывшей глины. Я переслал

его Глебу и тут же ему позвонил.

– Видел? – спросил я.

– Зубы, – хмуро отозвался Глеб. В жаркое субботнее утро у него были процедуры: правильный отец возил сыновей в бассейн на гимнастику, а сам целый час сидел на лавочке у раздевалки и наблюдал, как веселая орава малышей плескается в воде. Из трубки доносились детские визги, плеск, звон и бог знает какие еще звуки.

– Это не просто зубы, – ответил я и вкратце пересказал Глебу историю Дика.

Глеб хоть и увлекался криптозоологией не меньше моего, но строил из себя примерного семьянина, любящего мужа и делового человека. Это особенно проявилось после свадьбы. Его жена Юля вела все наши дела в бизнесе, а поэтому Глебу приходилось соответствовать. Он даже носил галстуки. А еще позиционировал себя как учитель и наставник для младшего брата. Глеб мог сколько угодно хотеть отправиться в путешествие в Южную Америку, но для начала он должен был воззвать к моему здравому смыслу.

– Это же обезьяны! – сказал Глеб, когда я закончил рассказ. – Их в Перу как грязи. Куда ни плюнь – везде какой-нибудь вид. С чего Дик решил, что это вообще примат де Луа? Кто вообще видел хотя бы одно доказательство? Так, миф сплошной.

– Но зубы-то, зубы. Ты подсчитал? Тридцать два. Характерные клыки...

– Анализировать надо, – сказал Глеб. – Может, у тамошних обезьян у всех по тридцать два зуба. Кто знает?

– Плюнуть на все и поехать – вот мое решение. Палатки, природа, поиски криптидов, а? Когда мы в последний раз выбирались? Ты же целый год меня уговаривал.

Глеб вздохнул:

– Я трижды отпрашивался у жены. Она трижды отпускала. А твои поездки срывались. В итоге я ей должен три семейных путешествия до Нового года, причем за то, что никуда не поехал. Типичная женская логика. Как-то дороговато, не находишь?

Все три поездки срывались по моей вине. Сначала мы собирались умчаться в Германию, откуда пришли слухи о волке-оборотне. Я почти собрал людей для поездки, но в последний момент решил, что оборотни, все же, это слишком фантастично, чтобы быть реальностью. Затем весной я собирался отправиться в Монголию, чтобы разыскать гигантского червя, но передумал, поскольку в Монголии ветрено и холодно. А третья поездка даже упоминания не стоит. Так, баловство в Индии намечалось...

– Давай так, – медленно произнес я, лихорадочно пытаюсь что-нибудь придумать. – Мы пока Юле ни о чем не говорим. Подготовь документы, я подберу еще пару человек, закажу оборудование, и за пару дней сообщим. Как тебе идея?

– Юля с меня живьем шкуру спустит, – заметил Глеб. – Если уж ехать, то надо придумать железное основание!

– Давай ее с нами возьмем!

Жена Глеба терпеть не могла дикой природы, палаток и еду из котелка, приготовленную на костре.

– Шутишь? Она и с тебя шкуру снимет заодно, для лекции. Да и потом, никаких доказательств, никакой теории, фактов, а только звонок Дика из Перу!

– Дик уже несколько раз оказывался прав относительно редких животных. Он же бродит в таких местах, куда нормальный человек вообще никогда не заглядывает. Опыт имеется.

– А если поездка окажется бессмысленной? – сомневался Глеб. – Я не могу так вот все бросить и умотать среди лета. У меня планы, дача, автомобиль...

– Ты автомобиль купил?

– На день рождения.

– У тебя день рождения через полторы недели!

– Я заранее. Скидки были. Акция. Ну и...

– Поздравляю, – сказал я. – Но это же не основание. Ты сам хотел путешествовать, да? А теперь находишь разные отговорки. Я же могу и без тебя поехать. Позвоню кому-нибудь из криптообщества, соберу команду за пару дней – и полетим. Без тебя.

Кто-то звонко рассмеялся в трубке. Похоже, занятия в бассейне закончились. Глеб тяжело вздохнул, а потом торопливо закончил:

– В общем, ты это, придумай, что сказать Юле. Я-то не

против, сам понимаешь. Но пока как-то сомнительно. Может, что сам скажу, но это вряд ли. Она меня как облупленного знает. Тут даже новое авто не поможет.

– Подумаю, подумаю.

– И в гости заглядывай! – позвал напоследок Глеб и отключился.

Повод заглянуть в гости возник через пару дней. Сам Глеб предложил забежать, поскольку у него было «какое-то важное и интересное заявление».

К тому моменту я еще несколько раз связывался с Диком и просил его собрать по возможности как можно больше доказательств. В душе не угасал зародившийся огонек азарта. Именно он не давал мне утихомириться последние пятнадцать лет. Азарт, желание подобраться как можно ближе к неизведанному, заставляли меня раз за разом отправляться в путешествия: часто в скучные, еще чаще в бесполезные, нудные, холодные, грязные, однобокие, безрезультатные... но, как бы то ни было, азарт не отпускал. Это удивительное ощущение, когда в далекой поездке раз за разом ожидаешь, что вот-вот увидишь то, чего никто и никогда до тебя не видел. Именно поэтому, наверное, я хотел получить от Дика еще доказательств. Мне нужен был повод, чтобы сорваться с места, покинуть душную летнюю Москву, раскинуть палатку среди тумана сельвы, разжечь костер и отправиться на поиски очередного криптида.

Дик, правда, ничего толкового не прислал. На одном фото был запечатлен грязный обезьяний череп, но идентифицировать его ни я, ни Глеб не смогли. В друзьях у Глеба ходило множество знакомых антропологов. Фото перекочева-

ло к ним, но результатов пока еще не было. Отправляясь в гости к Глебу, я ожидал, что, возможно, с этим и связано его приглашение. Чтобы торжественно объявить, что мифическая обезьяна найдена. Вполне может быть.

На пороге меня встретила Юля. Была она одета в махровый розовый халат и с полотенцем на голове. Часы показывали шесть вечера, на улице жарило так, что плавился асфальт, и увидеть на лестничной площадке человека в халате было более чем удивительно. Здесь отлично подошел бы купальник.

Стоит отдать моему старшему брату должное – жену он нашел красивую. В тридцать пять Юля выглядела лет на семь моложе. Была она высокой и стройной, постоянно держала себя в тонусе, даже несмотря на рождение двух детей. Я не знаток женских хитростей, но когда женщина выглядит привлекательно даже в халате и с полотенцем на голове – это огромный плюс!

– Входи, раз пришел, – добродушно сказала Юля и посторонила, впуская меня внутрь. – На самом деле, уже стол накрыт. Я тут на полминутки в ванную забежала, думала, успею.

– Это я просто раньше пришел.

В коридор из комнаты выскочили два племянника – Вовка и Тошка – а следом за ними собака по кличке Шульц. Ее породы я не знал. Собака была небольшой, лохматой и ужасно добродушной.

– Фил! Фил пришел! – вопил младший Тошка, которому в этом году исполнилось семь. – Папа! Там Фил наконец пришел! Можно мне теперь мороженое?

Десятилетний Вовка серьезно протянул руку для рукопожатия. Он старался казаться взрослым и деловым.

– Как дела на школьном фронте? – подмигнул я, пожимая тонкую детскую ладошку.

– Троечник со стажем, – вздохнула Юля. – Литературу не хочет учить. Не знаю, что с ним делать. Только математику кое-как да историю.

– И еще физкультуру! – парировал Вовка. – Я знаешь сколько раз подтягиваюсь? Тринадцать, вот!

– Но литературу учить тоже надо, – заметил я.

Шульц крутился под ногами, виляя хвостом, тихо поскуливал, всем своим видом показывая, как он рад всех нас видеть и вообще.

Я разулся, прошел в зал, где за столом, в кресле у аквариума сидел Глеб. Квартирка у брата была большая, трехкомнатная, да еще и с кухней на пятнадцать квадратов. Глеб рассуждал так: если есть деньги, то их надо вкладывать в недвижимость. Может случиться инфляция, нефть подешевеет, кризис какой-нибудь, а жилье будет дорогим всегда. Потому что жилье, как хлеб и гробы, это неизменный атрибут нашей жизни. В чем-то я его понимал. Мы родились и выросли в небогатой семье. Глеб с родителями несколько лет вообще прожил в коммуналке и хорошо запомнил широкие

темные коридоры, крохотную кухоньку, заставленную шкафами, плитами и раковинами, шумных соседей и особенно, с его слов, тонкую полоску желтого света, которая каждую ночь прокрадывалась сквозь щель в фанерной стене, отделяющей их комнату от комнаты дяди Егора. Потом нашим родителям дали однушку на краю Москвы, и жили, в общем-то, не бедно, но не сильно-то и выделялись. Мне уже довелось учиться в школе, где богатые дети сильно отличались от небогатых, где по наличию хорошего телефона или дорогой одежды можно было легко определить, кто, как и чем в семье зарабатывает. Два скромных инженера с завода не могли позволить купить своим детям дорогую игровую приставку, когда на них пошла дикая мода, но зато самостоятельно собрали чуть ли не на коленке цветной телевизор, который стоял на кухне и показывал множество зарубежных каналов.

Одним словом, Глеб, как большинство россиян, стремился к роскоши и богатству, но в силу ума не переусердствовал и имел нормальный вкус, на дорогие вещи не бросался, деньгами не сорил. Разве что подумывал купить еще одну квартиру, детям.

– А, Фил, вот и ты! – приветствовал Глеб, поднимаясь из кресла.

Мой брат в сорок один с хвостиком выглядел довольно свежо и молодо. Разве что на макушке начала образовываться небольшая плешь, или, как сам Глеб ее называл, – «озеро

в лесу».

– Несу горячее! – предупредила из коридора Юля.

Стол был уже накрыт. Блестели столовые приборы, стоял фарфоровый чайничек, из которого вился струйкой дымок, из корзинки выглядывали спелыми красными боками яблоки, а еще бананы, киви, мандарины (летом-то?). Отдельно в вазочке лежали конфеты. А еще я увидел тарелку с салатом, дольки хлеба, графинчик с коньяком (Глеб предпочитал хороший дорогой коньяк, по рюмке в день, для здоровья), блюдечко с селедкой в масле и, как и в любой уважающей себя семье, еще одно блюдечко с нарезанной дольками редькой.

Глеб виновато развел руками, шепнул:

– Ты так редко забегаешь, что Юля тут подготовилась, как на праздник. Будто президента в гости ждем.

Мне стало даже как-то неловко. Я шепнул в ответ:

– А просто чаю с конфетами можно?

– Хрен тебе. Обидится. Там картофель с соусом, курица в духовке и яблочный пирог на десерт. Не отвертись. Она же любит готовить, а поводов мало... Так что терпи!

Ну а что оставалось делать?

– И вообще, – продолжал шептать Глеб, делая таинственные глаза. – Твоя задача сейчас во всем со мной соглашаться.

– Что?

– Все, что скажу, – это правда для Юльки. Только соглашайся и ничему не удивляйся, идет?

Я удивленно кивнул. Никогда не замечал за Глебом спо-

способности к конспирации.

Мальчишки с собакой крутились под ногами. За десять следующих минут я выслушал множество историй о школе, улице, драках, планах на жизнь, о том, кто в кого влюблен, кто с кем не дружит, какой папа молодец и какая мама умница, о домашних заданиях, литературе, математике, новом фильме о трансформерах и старом мультфильме про Звездные войны – в общем, все то, что можно услышать от двух шумных и болтливых детей.

Юля тем временем сменила халат на легкое платье, сняла с головы полотенце и расчесала длинные золотистые волосы.

– А ты почему все время один приходишь? – спросила она, заноса в зал блюдо с ароматно пахнущим мясом. – Пора бы уже кого найти. Вроде парень без вредных привычек, симпатичный. Не такой, конечно, как брат...

Я неопределенно пожал плечами:

– Да, так, пока все сложно...

На самом деле отношения у меня развивались, причем стремительно. Была одна девушка – Настя, – в которую мне довелось влюбиться с головой много лет назад. Пару раз мы едва не начинали серьезно встречаться, однажды даже почти две недели прожили вместе, а потом у нее вдруг появился другой молодой человек, а я все никак не мог собраться и рассказать о своих чувствах. Миниатюрная рыженькая Настя даже в двадцать восемь выглядела на двадцать. Находясь рядом с ней, я частенько не мог оторвать от нее взгляда. Четы-

ре месяца назад Настя позвала меня в кафе, где рассказала, что порвала с парнем и теперь находится в полном смятении чувств. Надо сказать, что темперамент у Насти был боевой. Смятение чувств – это ее нормальное состояние. Настя могла вешаться на шею от счастья и тут же начинать реветь от горя. Она могла влюбиться и возненавидеть одновременно. Думаете, со всеми женщинами так? А если прибавить ко всему вышесказанному, что Настя заканчивала физмат и знала в совершенстве пять европейских и два азиатских языка? Не говорю уже о сотне различных диалектов? Как в ней сочетались истинно женские начала и тяга к знаниям – ума не приложу. В общем-то, тогда, в кафе, я безо всякой задней мысли, расстроенный ее чувствами, взял да и признался в любви. Вот так, без предупреждения. Настя смутилась еще больше, но не убежала и не отказала. С тех пор наши отношения развивались бурно, стремительно и непонятно как. Вместе мы не жили, но постоянно стремились проводить время вместе. Целовались и спали – это само собой, – но дальше романтических отношений дело как-то не заходило. Оба боялись сделать следующий шаг. Я неловко намекал, что Настя, в принципе, может жить у меня, но она то ли не понимала намеков, то ли делала вид, что не понимает. Вдобавок недавно Настя уехала за Полярный круг, где в компании молодых энтузиастов искала новые виды мха...

Юля внесла картофель в соусе, торжественно поставила блюдо в центр стола.

– Жениться тебе надо, Фил, – сказала она. – Может, чаще забегать будешь. А теперь давайте ужинать.

Жениться... об этом я пока как-то и не задумывался.

Ужин длился около часа. Глеб налил по рюмке коньяка. Выпили. Заели горячей рассыпчатой и очень вкусной картошкой и мясом. Отдельно я положил себе капустный салат с горошком. Вовка с Тошиком, сидящие наравне со взрослыми (разве что на специальных стульях, чтобы не выглядывать из-под стола), старательно изображали, что умеют аккуратно есть, и всячески подтверждали, что они уже не такие маленькие, как кажутся. Правда, Тошик все время пытался покормить крутящегося под ногами слюнявого косматого Шульца.

Под хруст шинкованной капусты Глеб вдруг произнес:

– В общем, я же не просто так Филя пригласил. Пора бы и к делу перейти.

– Можно подумать, я не догадалась, – улыбнулась Юля, потом потрепала Вовку по голове и обратилась к детям: – Малышня, вы наелись? Дуйте за мороженым, а потом в свою комнату. Идет?

– Мороженое! – завопил Тошка.

Мальчишек словно ветром сдуло. Где-то за стенкой раздалась возня и вопли: «Хочу с изюмом! С изюмом хочу!»

– Итак, что вы задумали? – Она знала нас как облупленных.

– Юль, ну почему сразу задумали? – вскинул руки Глеб. Иногда он превращался из сорокалетнего мужика в ребен-

ка. – Тут дело одно подвернулось, очень перспективное. Смотри!

Глеб потянулся за планшетом, что-то в нем включил, повернул экраном в нашу сторону. На планшете в браузере я различил множество зелени, какие-то огоньки и большие буквы, интерактивно складывающиеся в слова.

– Конференция разработчиков IT в Перу? – прочитала Юля недоверчиво. – Это что?

– Это, Юль, приглашение, – отозвался Глеб. – Нас с Филом приглашают как представителей России на конференцию. Поделиться историей успеха, так сказать. Почетно, между прочим. Знаково.

Тут, наверное, стоит снова провести некое отступление, чтобы объяснить. Дело в том, что несколько лет назад Глеб разработал приложение для телефонов. Идея была моя, а воплощение – его. Юля же, как настоящая современная бизнес-леди, взяла на себя маркетинг и продвижение. Мы основали небольшую фирму, открыли офис и в результате за первый год заработали столько, что теперь можно было вообще не работать. Наверное, нам повезло, мы попали в первую волну популярности и патриотизма, но и программка, что греха таить, была достаточно удобная. На вырученную прибыль мы занялись разработкой других приложений, обросли торговыми связями и вполне могли написать книгу об истории успеха в отдельно взятой стране.

– Официальное приглашение от профсоюза разработчи-

ков, – продолжал говорить Глеб. – Нам полностью оплачивают дорогу и недельное проживание. Нужно будет провести десяток лекций перед разработчиками других стран. Поделиться, так сказать, опытом, посветить лицом и все такое. Патриотизм, сама понимаешь.

– А я с вами, стало быть, не поеду? – нахмурилась Юля.
Глеб налил коньяка.

– Приглашение для двоих разработчиков... – сказал он нетвердо. – Да и сама понимаешь, ты же у нас директор, маркетолог, главный по продажам. Тебе за компанией следить надо, за детьми и делами. Ну, куда ты на неделю в Перу? Это же конец света! Девять часов разницы во времени! Все равно, что во Владивосток смотреться!

Я настороженно молчал. В этот момент гениальность плана Глеба была мне ясна. Вот только я никогда не умел играть в «Мафию» и очень боялся, что неверным словом или движением раскрою перед Юлей все карты.

Глеб залпом выпил, потянулся к кругляшу белой редьки и с хрустом ею заел благородный напиток. Кажется, он вжилась в роль на сто процентов.

– Я даже Филу до этого не говорил! Хотел торжественный момент сообразить, ну?

– Это очень неожиданно, – выдавил я из себя. – И почетно.

Юля перевела взгляд на меня, потом на Глеба. Взяла планшет, полистала страницы, почитала, отложила.

– Что-то вы, ребята, задумали, – сказала она вполголоса. –

Давно тебе это приглашение прилетело?

– Вчера.

– И ты молчал?

– Торжественный момент же хотел...

– Глеб, я с тобой не первый год в одной лодке. Чтобы ты – и промолчал?

Она снова смерила взглядом нас обоих. Я даже капусту перестал жевать.

– Рассказывайте, что задумали. Живо.

– Ничего мы такого не задумали, Юль! Вот всегда ты так. Чуть что – сразу задумали! Нам, может быть, честь такая оказана, а ты... Это, может, один раз в жизни бывает! Не просто так, а от России, понимаешь! Гордость страны и все такое! А ты вечно подозреваешь. И потом, когда я вообще тебе что-то не говорил? Разве я обманывал тебя? Скажи?

Тут Юля сдалась. Или сделала вид, что сдалась.

– О жене мог бы подумать, приглашение выбить, – сказала она, вяло махнув рукой, и откинулась на спинке стула. – Я вот тоже была бы не против слетать в Перу.

– Давай мы тебе билет купим? – подмигнул Глеб, залихватски насаживая на вилку несколько кусочков редьки. – С детьми что-нибудь придумаем, я не знаю, к маме нашей отвезем. Твоя же что?.. Отдыхает где-то?

Это был удар ниже пояса. Юля терпеть не могла нашу маму. Классическая ситуация: свекровь и невестка никак не могли найти общий язык. Не сказать, чтобы наша мама была

совсем уж плохой, но очень любила поучать молодых девиц (пусть и имеющих двоих детей и давно вышедших из возраста нравочений).

Я снова взялся за салат, а еще подложил мяса. Глеб захрустел редькой и безмятежно спросил:

– Ну как? Давай, прямо сейчас и закажем?

– Я подумаю, – сухо отозвалась Юля. – У меня совещание в конце недели, плюс поездка к партнерам. План составить надо...

Глеб покачал головой, будто расстроился.

– Тогда такое предложение, – сказал он. – Мы сейчас с Филом едем в Перу, а затем мы с тобой на Бали. Ну, или куда захочешь. Специально подгадаем неделку, чтобы без забот. Мальчишек в охапку и отдыхать.

– У нас и так три отпуска до конца года. Кто работать будет, миллионер вы наш? – Юля улыбнулась, поднялась из-за стола. – Ладно, решим как-нибудь. Я за десертом. Фил, тебе кофе без сахара, как обычно?

Я кивнул. Как только Юля скрылась в коридоре, Глеб оживился, подсел ближе и зашептал на ухо скороговоркой:

– Через три дня вылетаем из Шереметьево! Подробности сброшу почтой. Возьми пару человек, кого посчитаешь нужным. И чтоб ни одного лишнего слова!

– Весь этот твой слет айтишников – фэйк? – тоже шепотом спросил я. – Как ты это провернул?

– Как раз все на самом деле. Летим представлять Рос-

сию, – Глеб взял двумя пальцами соленый огурец и опустил его в рот. – Пришлось немного... эээ... скажем так, кое с кем пообщаться. Должны были лететь какие-то молодые стартперы из Новосибирска, а полетим мы. Посидим денек на конференции и к Дику, за обезьяной.

– Ну даешь!

Больше я ничего сказать не успел. В зал вошла Юля, держа в руках поднос с дымящимся яблочным пирогом и чашками с чаем и кофе.

Ужин продолжался.

4

План старшего брата был таков – мы прилетаем в Перу на конференцию разработчиков IT, регистрируемся, селимся в отеле и затем неделю спокойно занимаемся поисками обезьяны де Луа.

Глеб заранее созвонился с Диком, решив, что от меня толку, как от сломанного телефона, и все с ним подробно обсудил. Оборудование и наши помощники переключают в заботливые руки Дика, а затем к нему присоединимся и мы.

Конференция проходила в столице Перу – Лиме, а Дик ждал нас в небольшом городке Куско, до которого на машине от столицы было чуть больше четырнадцати часов пути, часть которого проходила по живописному побережью Тихого океана.

Когда обо всем этом мне рассказывал Глеб по телефону, я буквально видел, как у него горят глаза от радости. Соскучился брат по настоящим приключениям. И хотя поездка не обещала принести каких-то неожиданностей, я все равно был доволен, что срываюсь из Москвы вот так, стремительно, по зову сердца.

Пока не хотелось думать о том, что отслеживание криптида, как правило, включало в себя долгие и нудные поиски, изучение различных артефактов, выслушивание монотонных речей местных жителей, а в итоге все заканчивалось

ничем. Мы пожимали плечами, говорили: «Ну ок, в следующий раз повезет» – и разъезжались по домам. Разве что немного насыщали свое неумное желание.

Рано, рано об этом. Сейчас на первом плане – лихой дух приключений! Вперед, навстречу неизведанному!

Наверное, каждый в детстве мечтал о том, что поплывет на корабле в неизведанные дали, откроет новую Америку, наткнется на динозавров, неизвестных науке животных, на враждебных аборигенов, с которыми придется или сражаться, или вступать в переговоры. У нас это в крови – стремление найти что-то новое. Зудит, не дает покоя. До дрожи в коленках. Многие вырастают и направляют свою энергию на что-то иное, а есть те, кто ни за что не готов расстаться со своей мечтой. Я и мой брат именно эти люди. Я в большей мере, а он, похороненный под лавиной семейного быта, бизнеса, воспитания детей и зарабатывания денег, – в меньшей. Но мы все равно одинаковые. Стоило позвонить далекому старому знакомому, как два брата сорвались с насиженных мест и рванули черт-те куда. От детской мечты до взрослой реальности – один миг...

* * *

На следующий день я позвонил и встретился с парой знакомых из Московского сообщества криптозоологов.

В первую очередь набрал Настю. Спросил:

– Сможешь до завтра собраться и полететь со мной в Перу?

– Ого, – сказала Настя без тени удивления в голосе. – Скажи сразу, это такое романтическое путешествие или ты что-то задумал? Знаю я тебя, вечно напридумываешь...

Честно говоря, я подумывал о романтическом путешествии. Назревала необходимость поговорить с Настей серьезно и сообщить ей, что я влюбился-таки по уши, что не могу без нее и вообще. Но нужные слова, как обычно, застревали в горле. Поэтому я рассказал про звонок Дика, обезьяну де Луа и про то, что мне очень пригодятся (просто никуда!) Настины знания языков.

– Вечно вы так, мужики, – отозвалась Настя. – Нет бы в горы вдвоем, костерок, там, свечи, цветы. А им только переводчика подавай!

– Не только, солнышко, не только, – буркнул я. – Ты же меня знаешь.

– Ага. Плохой из тебя романтик. Не с того начал, – она сделала паузу и закончила: – Ну, ладно. Куда же вы без меня. Пропадете еще в этих ваших джунглях. Что брать-то с собой?

Настя всегда была легка на подъем, в ней я не сомневался. А вот со Львом Игнатычем разговор предстоял долгий.

Лев Игнатыч, в простонародье – Леопольд (за вечно взлохмаченную гриву рыжих волос и безумно добрые глаза), – путешествий не любил, а предпочитал отсиживаться

дома. Это был самый пожилой участник сообщества крип-тозоологов. В начале года ему стукнуло шестьдесят три. В то же время он считался самым продвинутым членом сообщества, поскольку в свое время получил два высших образования, работал дипломатом в Южной Америке, затем в начале девяностых бросил работу и отправился археологом в составе экспедиции в Африку. Шесть лет Леопольд провел на раскопках, вернулся загоревший до черноты и уставший, а еще загоревшийся новой идеей – найти хотя бы одного живого сумчатого саблезубого тигра. Будучи в Африке, он случайно наткнулся на части скелета этого диковинного вымершего животного. Необычный череп тилакосмила (так ученые прозвали это существо) произвел на Леопольда неизгладимое впечатление. Он бросил все свои силы на организацию экспедиций в Африку и Южную Америку, еще почти десять лет потратил на безуспешные поиски. Каждая экспедиция заканчивалась ничем (вряд ли можно считать успехом несколько черепов и множественные легенды и зарисовки местных жителей), и после каждого возвращения домой силы и вера Леопольда таяли.

В начале двухтысячных он приехал в Москву, чтобы никогда больше из нее не выезжать. Деньги на экспедиции закончились, подступала старость, а вместе с ней и отчаяние. Смирившись с мыслью, что тилакосмил остался в далеком прошлом, Леопольд устроился на работу в университете, где читал студентам лекции по Южной Америке. Там-то мы на него

и наткнулись. Оказалось, что у Леопольда огромнейшие познания в криптозоологии. Он с охотой подключился к моим первым исследованиям в Подмосковье, помогал мне и таким же юным искателям приключений погрузиться в неизведанный мир молодой науки. Правда, все советы он давал исключительно из своей уютной квартирki на юго-западе. С развитием Интернета стало проще – Леопольд выходил на связь постоянно и порой находил ответы на вопросы, которые ставили в тупик всех вокруг. Даже мой всезнающий старший брат частенько переписывался с Леопольдом, признавая, что есть на свете люди, к которым действительно полезно обратиться за советом.

Помимо поисков тилакосмила Леопольд был помешан (в хорошем смысле слова) на Южной Америке. Он очень любил страну, в которой прожил много лет, и очень скучал по ней. Так люди скучают по своей малой родине, если вдруг уезжают куда-то далеко и больше не могут вернуться. Наверное, именно поэтому я подумал о Леопольде в первую очередь: он мог помочь с поисками обезьяны, а я мог помочь ему побывать в тех местах, которые старик любил.

Общаться с ним надо было лично, поэтому я позвонил и попросился в гости в тот же вечер. Времени оставалось немного. Все это походило на какой-то авантюрный фильм, где криминальный авторитет-вор собирает команду для похищения, скажем, очень большого драгоценного камня, а время очень сильно поджимает...

Леопольд встретил меня на пороге своей квартиры. Кло-чья тонких рыжих волос неизменно торчали в разные сторо-ны, будто Леопольда только что хорошенько шандарахнуло током. Одет он был в помятый старенький костюм, на шею торчал галстук-бабочка. Леопольд напоминал старого безум-ного ученого и даже слегка таковым являлся.

– Имею честь, – сухо произнес он. – Филипп, вы меня пу-гаете. Так резко звонить, напрашиваться на беседу. Что-то случилось?

Эхо его голоса гулко разнеслось по пустынной лестничной площадке.

– Вы хотите съездить в Южную Америку? – спросил я. Что называется – с места в карьер.

Леопольд пожевал губами, чуть прищурился и ответил:

– Мы с вами знакомы десять, кажется, лет. Сложно пред-ставить, что такой умный молодой человек до сих пор не по-нял, что мне глубоко противны любые поездки за границу.

– Да ладно вам! Мне же прекрасно известно, как вы мечта-ете хотя бы раз вернуться туда, где у вас прошла молодость, где была первая любовь, где вы увидели столько всего инте-ресного!

Я, разумеется, наступил на большую мозоль. Леопольд лю-бил рассказывать студентам о своей былой жизни, поэтому мы все знали и о его увлечении Южной Америкой, и о за-ботливой Розе Ивановне (свет очей, красоты неопишуемой), и о множестве путешествий Леопольда в гущу джунглей, в

сьерру и к диким племенам в поисках сумчатого тигра. Так же, как все мы, бывшие студенты, прекрасно знали о том, что у Леопольда попросту нет денег, чтобы организовать новую поездку.

Я переступил порог его квартиры, оказавшись в непосредственной близости от старческого, покрытого морщинками лица – живые добрые глаза ученого даже в таком возрасте вспыхнули азартом – и произнес заранее заготовленное:

– Подумайте, Лев Игнатьевич, вот о чем. Вы десять лет провели в Москве, помогая таким, как я, отыскать редких и невиданных ранее животных. У вас в голове такое огромное количество информации, что никто другой не будет ценнее в предстоящей экспедиции. Я знаю о вашей мечте, я знаю о сумчатом тигре и о квартирке в Лиме, где до сих пор живет женщина Роза, оставившая в вашей душе неизгладимый след. Так вот, я хочу взять вас с собой туда, понимаете? Вы поедете с нами, за наш счет, поселитесь в лучшей гостинице города, отправитесь с палатками в сельву, а заодно побываете там, где много-много лет не были. Соглашайтесь. Нам очень нужна ваша помощь.

Старик дрогнул и отступил на шаг, пропуская меня в глубь темной, пыльной квартирки. Мы оказались в узком коридорчике «хрущевки», где и вдвоем-то развернуться было довольно сложно.

– Молодой человек, – наставительно сказал Леопольд. – Кто вы такой, чтобы врывать в мой дом и говорить всякое?

Вы как змей-искуситель, честное слово. – Потеребив тонкий подбородок, Леопольд продолжил: – Если рассматривать это ваше, гхм, предложение с трезвой точки зрения, то, стало быть, нет ничего невозможного. Полет я как-нибудь перенесу. И потом, отели, палатки, природа – ничего страшного. Но как быть с мотивацией?

– О, с мотивацией мы поможем, – закивал я. – Работы всего на несколько дней, а потом поедем по городу, все покажем, все расскажем.

Леопольд кивком головы указал на кухню и первым в нее прошел. Кухня была еще меньше коридора. Вдоль стен ютились плита с холодильником, раковина и табурет. Центр кухни занимал стол, густо заставленный всевозможным хламом вроде старого, еще не электрического, чайника, деревянной хлебницы, стопки тарелок, гранеными стаканами, пепельницей, пустой бутылкой из-под вина, да и еще миллионом всевозможной мелочовки. В кухне витал сладковатый запах свежемолотого кофе.

– И в чем суть нашей, гхм, поездки? – по-деловому осведомился Леопольд, тяжело опираясь задом о столешницу. Руки он скрестил на груди. Я заметил, что брюки у него коротковаты и заканчиваются на щиколотках. Из-под брюк торчали полоски темных носков и волосатые ноги.

Я набрал побольше воздуха и рассказал об обезьяне, Дике, следах зубов и черепе. А еще о том, как мы в прошлом году обнаружили гигантского змея и теперь при каждой поездке

рассчитываем наткнуться на кого-нибудь еще.

– Обезьяна де Луа, говорите, – потер подбородок Леопольд. – А знаете, видел я в девяносто седьмом эту обезьяну.

Оказалось, что в девяносто седьмом году Лев Игнатьевич как раз путешествовал по побережью Тихого океана в поисках тилакосмила. Судьба занесла криптозоолога в так называемые туманные леса, где он в компании местных жителей кочевал от поселения к поселению, расспрашивая аборигенов о сумчатом тигре. В непроходимой сельве Южной Америки очень много диких племен – потомки древних племен живут обособленно от цивилизации, поддерживая свои традиции, придерживаясь давно установленного образа жизни.

Туманные леса находились на стыке сельвы и сьерры, то есть между непроходимыми джунглями и могучей горной грядой. Температура тут постоянно менялась. Воздух то прогревался до плюс двадцати пяти, то резко опускался до минус двух. Именно поэтому в лесах постоянно стоял густой, похожий на вату, туман. Влагой пропитывалось все вокруг. Капельки воды оседали на коже, забивались в нос и в легкие. Дышать приходилось через марлю, а еще казалось, что постоянно находишься под водой.

В одной из небольших лесных деревень полуголые аборигены, словно срисованные со старых книг про индейцев, взяли Льва Игнатьевича в кольцо и повели его неведомыми тропами, мимо гигантских деревьев, туманных озер и извилистых рек, неведомо куда и неведомо зачем. Почему-то

сам Лев Игнатьевич думал, что его съедят. Перепугался он страшно. Но вместо этого жители деревни вывели его к темному котловану, края которого были укрыты пеплом. На дне котлована замерзла вода, и голубоватый лед отражал множеством лучей холодное солнце. Но самое важное было не на дне – стенки котлована, плавно уходящие вниз под углом в тридцать градусов, оказались покрыты множеством костей. Казалось, земля вокруг состояла из сплошных останков. Это были животные кости. Как объяснили местные, данный котлован являлся своеобразным кладбищем животных, культовым местом среди аборигенов. Сюда приходили умирать обезьяны, тигры, карликовые верблюды, амфибии – все, кто обитал в «туманных лесах», в сельве. Кого-то приносили сами жители ближайших деревень. Склоны котлована постоянно находились в движении. Животные сползали вниз и исчезали под вечным льдом, который таял всего один раз в год. Правда, путь этот был настолько медленным, что проходили месяцы, прежде чем животное опускалось ко дну. За это время косточки его обглаживали птицы и падальщики, а кости выцветали на солнце, становясь темно-бурыми.

О чем-то аборигены не договаривали, прятались за странными фразами и боязливо смотрели по сторонам, будто ожидали увидеть в кустах нечто действительно страшное.

Затем жители деревни повели Льва Игнатьевича вниз по склону. Под ногами его хрустели то ли кости, то ли камешки. В воздухе отчетливо пахло смертью и разложением. В ка-

кой-то момент абориген присел на колени, запустил руки в землю и выудил из костей полуразложившуюся голову сумчатого тигра. Да, это действительно был тот самый тигр! Полосатая морда, два гигантских клыка, выдающаяся нижняя челюсть... Лев Игнатьевич не мог поверить своим глазам! Кожа тигра под пальцами Льва расползлась и рвалась, обнажая гнилые куски мяса. Из глазниц посыпались извивающиеся белые черви. Но Лев был так поражен, что не обратил на это внимания. Он лихорадочно соображал, что же сделать, чтобы вывезти эту диковинную находку из Перу. Как перевезти ее в Россию? Как сохранить доказательства?..

Нога его соскользнула на шероховатости косточек, Лев Игнатьевич поскользнулся и упал. Череп тигра выскользнул из его дрожащих от волнения рук. Земля пришла в движение, и ученый понял, что стремительно катится вниз. Вокруг шумело, трещало, грохотало. Ноздри забило запахом гнили. Что-то кричали местные. Лев отчаянно размахивал руками, в надежде зацепиться за что-нибудь, и в итоге пальцы его схватили что-то плоское и твердое. Падение остановилось так резко, что перехватило дыхание, а в глазах потемнело. Лев вывернул голову и через плечо увидел, что практически висит над пропастью, а всего в паре метров внизу темнеет покрытое льдом озеро. Сверху бежали аборигены, топчя кости, поднимая ногами мертвенно-бледную пыль.

И тогда Лев разглядел, за что же он ухватился обеими руками – ухватился так крепко, что побелели костяшки паль-

цев! Это была мумия большой обезьяны. Кожа у нее на лице потрескалась и расползлась, обнажая голый череп. К своему удивлению, Лев Игнатьевич увидел оскал желтых зубов, очень похожих на человеческие. Да и выглядела обезьяна очень похожей на человека... Когда к нему подбежали, схватили под мышки, подняли, Лев на пальцах принялся объяснять, что эту обезьяну надо откопать и поднять на поверхность, для изучения. Уж больно она отличалась от тех видов, которые до этого видел ученый. И, конечно же, он не забыл о гниющей голове сумчатого тигра. Почти два часа Лев Игнатьевич осторожно бродил по котловану, высматривая потерянную голову. Ему помогали три охотника-перуанца. Еще двое послушно выкапывали мумифицированную обезьяну.

К ночи сумчатый тигр так и не был найден. Лев Игнатьевич поднялся на поверхность и в дрожащем свете костра долго изучал обезьяну.

– Это была обезьяна де Луа, – говорил он, задумчиво тербя подбородок. – Я убежден почти на сто процентов. Из того, что сохранилось от тела, можно было с уверенностью констатировать, что у обезьяны нет хвоста, что она передвигалась на задних лапах и держала, гхм, осанку. У нее было тридцать зубов в пасти, не считая двух выпавших. Общий рост составил два метра одиннадцать сантиметров. В тот раз я впервые пожалел, что мой фотоаппарат был без вспышки.

– Что-то случилось?

Леопольд кивнул:

– Ночью тело обезьяны отнесли обратно и выбросили в котлован. Я спал и ничего не видел. Местные считали это место святыней. Они думали, что если забрать хотя бы одну кость из котлована, то на головы похитителей обрушится смертоносный дождь из камней, ноздри их расплавятся от запаха гнили, а одноглазый бог ярости сожрет их детей. В общем, гхм, классические легенды отсталых племен...

– И вы утром не смогли вернуться и найти обезьяну?

– Видите ли, молодой человек, – отозвался ученый. – Когда вы европеец в непроходимой сельве, среди десятка вооруженных перуанцев, которые решили, что вы и так достаточно изучили на местности и пора бы уходить, с ними как-то неловко спорить. Прямо скажем – я все еще думал, что нас рано или поздно съедят.

– Вы были так близки!

– Я бывший дипломат и ученый, а не безумец. К слову, после того, как я подержал в руках голову настоящего сумчатого тигра, то есть живо убедился, что этот вид вполне может проживать на территории Южной Америки, мне все стало ясно. Надо вложить оставшиеся деньги в поиски тилакосмила и поймать хотя бы одну живую особь во что бы то ни стало. Потому что они, понимаете, существуют!

В живых глазах пожилого ученого я увидел возродившийся огонек азарта. Удачно я зашел, ничего не скажешь...

– Вы же никого не поймали?

– Увы. Остался без денег и без сумчатого тигра. Теперь

вот читаю лекции таким, как вы, заряжаю, гхм, оптимизмом.

– Тогда вы же представляете, что я вам предлагаю? Лев Игнатьевич, представляете? Зачем же вы столько лет молчали о своей мечте? У вас там вся жизнь в Южной Америке! Все воспоминания, любовь, и тигр еще этот, не найденный. Давайте поедem и поищем снова! Еще раз!

– Мне кажется, я слишком стар.

– Шестьдесят три! – воскликнул я. – Моя бабушка в семьдесят летала в Лос-Анджелес, чтобы встретиться с Робертом Дауни-младшим!

– И как? Встретила?

– Не то чтобы... но сам факт, сам факт! Соглашайтесь!

Он все еще задумчиво теребил подбородок, не решаясь.

Я произнес:

– Оформим визу до завтрашнего утра. Необходимые уколы сделаем у частного врача, в проверенной клинике. Все расходы берем с братом на себя. Вырветесь из этой кухоньки на недельку, а? Жара, солнце, перуанцы, туманные леса!

Или я умел хорошо уговаривать, или Леопольд и сам уже внутренне со всем согласился. Он махнул рукой:

– Да, согласен! Согласен, черт бы вас побрал, искатели, блин!

– Отлично! – обрадовался я. – Завтра в обед вылетаем! Возьмите только самое необходимое, а остальное там прикупим.

– Молодой человек, – сквозь смех сказал Леопольд. – Ес-

ли в моем возрасте брать все необходимое, вам и самолета не хватит! Я вам сейчас напишу список кое-каких лекарств, выясните, будьте добры, продаются ли они в Перу. Если да, то мне и одного рюкзака хватит, с одеждой.

– Это мы мигом, это несложно.

Леопольд откопал среди множества вещей на столе ручку и листок бумаги в клеточку, составил список из девяти пунктов.

– Разберете почерк?

– Что б не разобрать? – прищурился я. – Справимся.

Из квартиры Леопольда я выходил в приподнятом настроении. Как все удачно складывалось! В тот момент я искренне полагал, что поездка предстоит веселая, несложная и даже в чем-то романтическая (присутствие под боком Насти обязывало).

Если бы в тот день мне пришла в голову мысль позвонить Дику и выведать у него детали происходящего...

Конечно, Дику я не позвонил. Остаток дня прошел в сутеливых хлопотах. Надо было собраться, закончить кое-какие дела в городе, посидеть в Интернете (как же без этого в современной жизни?). Уснул я без задних ног, а с рассветом помчался за братом через полгорода. Летняя утренняя Москва встретила редкими пробками в центре, пустынными улицами, яркими парками и голубым небом. На востоке, над крышами высоток, купалось в глубине неба солнце, подернутое робкой дрожащей дымкой. Оно будто размышляло, надо ли сегодня поджаривать людей словно на сковородке или пусть немного отдохнут.

Когда я добрался до Глеба, температура на улице поднялась до плюс двадцати двух. Видимо, все же будет жарить.

Глеб выскользнул из подъезда с двумя пухлыми рюкзаками наперевес. Следом за ним высыпали дети, собака Шулы и Юля. Пока Глеб утрамбовывал в багажник вещи, Юля еще раз провела беглый допрос, свойственный женщинам, отпускающим своих мужей от драгоценного тела более чем на сутки.

– В Перу жарко?

– Жарче, чем тут.

– Там пустыня или что?

– И пустыня тоже есть. А еще леса, джунгли, туманы. Как

езде в Южной Америке.

– Ты же знаешь, что Глебу лучше не пить?

– А курить можно?

– Только две сигареты в день. Следи, пожалуйста, чтобы он не налегал там. У него легкие слабые. И вообще, контролируй. Пусть как прилетит – позвонит.

– Обязательно.

– В Перу же не стреляют? Там не Мексика? Слышала я что-то...

– Все нормально в Перу. Обычная страна. Туристов там любят.

– Из отеля далеко не уходите. Особенно без гида. – И дальше: – С заходом солнца лучше вообще не высовываться, мало ли. Смотри, чтобы Глеб ни во что не ввязался, а то он может. С туземками не заигрывайте. Местным ничего не предлагайте. И ни на что не соглашайтесь. Лучше держаться гида.

Ох уж эти женщины...

Глеб же, как назло, никак не мог справиться с тесемкой рюкзака. Я полез ему помогать. Через пять минут все было готово. Багажник захлопнулся, верный муж поцеловал и обнял детей, чмокнул жену, помахал рукой беззаботному псу и уселся на пассажирском сиденье.

– Гони! – взмахнул руками Глеб. – Эх, оторвусь!

Мы помчались в сторону аэропорта.

– Давно ты выезжал за пределы Москвы сам, без Юли? –

спросил я.

– Дай подсчитать... года три назад мотался на рыбалку с друзьями. Сколько-то там лет окончания школы.

– Это мы с тобой три года никуда не ездили, ничего не искали?

– Выходит, что так.

Я пожал плечами:

– Вот ведь жизнь крутит. Вроде бы увлекаемся общим делом, а занимаемся совершенно разными делами.

– Да я бы и рад везде ездить, приключения искать, – сказал Глеб, поглядывая в окно на проносившиеся мимо магазинчики. – Но у меня же семья, дети...

– Собака Шульц!

– И она тоже, псина беспородная. Понимаешь, Фил, это какой-то другой уровень. Взросление, что ли. Просыпаешься и понимаешь, что все – живешь теперь не так, как раньше. Хотел слетать в Канаду, а поедешь в Египет. Хотел на лодках экстремально покататься, а отправишься в бассейн с детьми. Как-то так. И ведь нет в этом ничего плохого. Мне и в бассейне нравится. Просто я уже не на одном с тобой уровне.

Я помахал перед его носом рукой:

– Стой, стой, братишка. Не начинай мне тут лекции читать. Мы сейчас мчимся туда, где тебя ждут, во-первых, палатка, во-вторых, еда в котелке, в-третьих, увлекательнейшие поиски криптидов! Что ты знаешь о Перу?

– О Перу? – нахмурился Глеб. – Это в Южной Америке,

страна такая. Вроде бы у них там горы большие, эти, Анды. И еще Тихий океан. И палаток там не будет, а будет хороший отель, четырехзвездочный, я надеюсь.

– В Перу есть гигантский, просто до умопомрачения, заповедник дикой природы. Там до сих пор живут дикие племена. Представляешь? Есть люди, которые не подозревают, что такое автомобили, самолеты, одежда, например.

– Совсем дикие?

– Абсолютно. Они даже на контакт с другими людьми не идут. Живут себе небольшими племенами, на животных охотятся, жилье какое-то строят. Дикая природа, дикие люди! Предки империи инков. Представляешь, сотни лет уже так живут.

– Кажется, Перу в свое время колонизировали испанцы, – продолжал вспоминать Глеб. – Построили Лиму и еще кучу разных городов. А еще у них там постоянные военные перевороты. Кто-то кого-то свергает, кто-то как-то приходит к власти. Лучше не соваться в места, где много военных.

– Но при этом в Перу везде висят плакаты: «Гражданин, помни! Турист – твой друг!» – Об этом я прочитал минувшей ночью на просторах Интернета. – И потом, я твоей жене обещал, что мы с вооруженными людьми общаться не будем.

– Но мы же не собираемся быть простыми туристами, верно? Мы хотим в джунгли, черт-те куда сунуться?

– Еще как хотим. В самую глушь. Чтобы никого, кроме аборигенов. И никаких, Глеб, отелей. Даже не мечтай.

– Да это же я шутил... И думаешь, там не будет вооруженных людей?

Я пожал плечами:

– Дик со своей невестой сунулись – и ничего. Не в первый раз. У тебя широкие связи в правительстве. С военными не договоришься, что ли? Любой военный человек это, прежде всего, бизнесмен. Просто у них условия работы свои, они деньги оружием добывают. Или ты уже совсем отвык от путешествий?

Глеб смутился, снова стал смотреть в окно. Потом признался:

– Как-то неуютно мне. Похоже, действительно отвык. А тут еще жену обманул.

– Мы же побываем на конференции. Так что никакой это не обман. Считай – просто немного не договорил.

– Так и есть, – согласился Глеб. – Поднажми давай, а то ползем, как черепахи!

Пришлось разогнаться до ста двадцати. Чего не сделаешь ради брата.

6

Наверное, только в аэропорту я осознал, что мы действительно летим в путешествие. Как-то отпустило, адреналин перестал бешено вливаться в кровь, а в голове возникла ясная и короткая мысль: «Да! Так и есть!»

Я стоял среди шумной толпы, в очереди к регистрационной стойке, и видел за окном блестящие носы самолетов на взлетной площадке. Эти самолеты совсем скоро поднимутся в небо и раскидают людей в разные уголки мира, прокатят над облаками, в лучах жаркого солнца. Час-два полета – и каждый из этих людей окажется совсем в другом месте, впитают эти особые чувства, которые неизменно возникают в душе у каждого, кто садится в нутро железной птицы и мыслями уже совсем далеко от этого места. Сознайтесь, каждый из вас хотел бы хотя бы раз сесть в кресло самолета и отправиться в долгий полет – настолько долгий, чтобы мир изменился неузнаваемо, чтобы вы не знали, на какой земле сойдете и с кем увидите. Это странное и сладкое чувство неопределенности.

Впрочем, еще лучше, когда путешествуешь не один, а в компании с хорошими людьми.

Вот, например, Леопольд. По случаю первого за пятнадцать лет вылета из страны, он надел, видимо, свой лучший выходной костюм – темный пиджачок с заплатками на лок-

тях, белую рубашку, ворот которой немного выбился, и темный же галстук. На ногах – блестящие темные ботинки с коричневыми шнурками. Рыжие непослушные волосы Леопольд кое-как причесал, но отдельные клочья все равно торчали в стороны, будто несогласные с политикой общего уравнения. Выглядел Леопольд мило, по-старинному, так и веяло от него мудростью пожилого профессора из старинных книг. Он сильно волновался, то и дело доставал из кармана пиджака пластиковую расческу и проводил ею по волосам, в робкой попытке справиться с непослушными клочьями.

– Мне бы, это, – говорил он, – чайку горячего. А то в горле пересохло.

– В самолете все будет. И чаек, и еда. Накормят, напоят и спать уложат. Нам почти восемнадцать часов лететь! – отвечал Глеб.

Настя появилась за десять минут до конца регистрации. Крохотная, маленькая, милая Настя. Она влетела в очередь, усердно расталкивая всех локтями. Злиться на нее было невозможно – рыженькая Настя излучала веселье и оптимизм, смеялась и звонко восклицала: «Ой, извините!», «Какая милая собачка!» или «Хорошего вам дня!», а также: «Смотрите, какое солнце!».

Она всегда такая была: болтливая, жизнерадостная. И люди вокруг нее становились такими же, поддавшись влиянию, попав в волну. Улыбались, сторонились, отвечали весело и задорно. По очереди пронесся смешок, кто-то начал

шутить... А Настя обвила руками мою шею, впиалась мягкими губами в мои губы и подарила долгий, сладкий поцелуй под жадными взглядами окружающих.

– Соскучилась! – сообщила она, отстраняясь. – Фил, ты такой лапочка, побрился!

В этом вся Настя.

Она чмокнула Глеба в щеку, познакомилась с Леопольдом и, как только узнала о его жизни в Перу, осыпала кучей вопросов.

– Никогда не была в Южной Америке! – говорила Настя, залихватски поправляя рыжую челку. – Там так романтично! Бразилия, где много диких обезьян, Аргентина, где Месси и Пеле, а еще Венесуэла. Вообще, отпад! А в Перу, говорят, берет начало Амазонка?..

Настя могла болтать без умолку часы напролет. Впрочем, Леопольд был польщен повышенным вниманием и несколько не сопротивлялся.

Я же был доволен тем, какая у нас отличная подобралась компания.

Летели мы с пересадкой в Мюнхене около семнадцати часов. Мои спутники, отвыкшие от длительных перелетов, к концу пути чувствовали себя будто мешки с картошкой. Больше всех, конечно, досталось Леопольду. Он ерзал в кресле, жаловался на жару и постоянно просил пить. При этом ученый держался стойко, всем своим видом стараясь показать, что чувствует себя хорошо. Правда, стоило самолету приземлиться в аэропорту «Хорхе Чавес», именно Леопольд рванул первым к выходу, отчаянно стягивая через голову галстук.

Новая страна встретила прохладой, повышенной влажностью и дивным пейзажем. На улице, по ощущениям, было не больше пятнадцати градусов тепла. После летней московской жары сразу захотелось накинуть что-нибудь теплое. Часы показывали восемь вечера, но еще не адаптировавшийся организм упорно говорил нам, что сейчас глубокая ночь и вообще-то пора спать.

Но зато какие вокруг высились пальмы! А эти виднеющиеся на горизонте горы в дымке серого вечернего тумана! Я так и застыл в восхищении на трапе. Аэропорт утопал в лучах закатного солнца, зажглись яркие огни подсветки. Верно говорят, что судят по одежке, – аэропорт любой страны, это первые впечатления туриста. А первые впечатления са-

мые важные. В Перу, например, я влюбился стремительно. Ну, не может быть плохой страна, где построили такое красивое здание!

Пока пассажиры занимали места в автобусе, который должен был привезти нас в зону получения багажа, я позвонил Дику. Поверьте, этот человек так часто забывал встречать меня в аэропортах, что я уже предугадывал его действия. И – точно. Трубку никто не взял. В самых скверных предчувствиях (это теперь придется искать, где поселить Настю с Леопольдом, самостоятельно добираться до отеля, я уже не говорю о том, что совсем непонятно, как тут дела обстоят с транспортом), я закинул рюкзак на спину и забрался в салон.

– Не дозвонился? – спросил Глеб. Он тоже хорошо знал нашего общего друга.

– Может, телефон забыл, – пожал я плечами. – Дик это умеет.

Автобус домчал нас до входа в аэропорт за пару минут. Туристы высыпали на асфальтовую дорожку, потом сквозь стеклянные двери прошли в холл. Мы в общей толпе проследовали до лент выдачи багажа. Там-то я и увидел Дика.

Дик – это двухметровый широкоплечий гигант с длинными золотыми волосами. Его очень сложно спутать с кем-то еще, особенно на фоне не самых рослых перуанцев. На лице у него всегда играла жизнерадостная улыбка. Дик походил на голливудского актера-бодибилдера, и окружающим постоянно хотелось уточнить, в каком именно фильме они его ви-

дели и в какой роли. Впрочем, Дик мог охотно подыграть и с серьезной миной сочинить историю о том, как он едва не прошел кастинг на главную роль в «Железном человеке», но проспал. Ему потом звонили, уговаривали, но он все равно проспал. Бывает.

Еще Дик всем нравился. Была у человека такая черта – повышенное обаяние. Движением брови он мог привести в восторг кого угодно. Уголком губ влюблял в себя дам самого разного возраста. Добродушной ухмылкой очаровывал самых brutальных мужиков.

Так вот, сейчас Дик не улыбался. Он выглядел очень серьезным и внимательным. Смотрел по сторонам, будто кого-то осторожно выглядывал, хмурился. Завидев нас, Дик взмахнул рукой и поспешил навстречу.

– У вас много вещей? – спросил он после приветствия и знакомства. – Потому что нам надо поторапливаться. У меня две машины стоят тут недалеко, ждут.

– Нам надо зарегистрироваться в отеле.

– Это подождет. Я бы вообще на вашем месте не регистрировался. Сейчас едем в Куско и оттуда дальше, в джунгли.

Глеб, нахмурившись, взял Дика за плечи и внимательно на него посмотрел:

– Что-то случилось?

– Нет, дружище, все в полном порядке, – пробормотал Дик, пряча глаза.

Тут уже мы с Настей переглянулись. Дик всегда был от-

крытым и улыбающимся.

– Колись! – сказал я. – С Аней что-то стряслось?

Дик посмотрел по сторонам, буркнул:

– С ней как раз все хорошо. Я тоже жив-здоров. Но за нами могут наблюдать.

– Кто?

– Местные. Я так понял, те, кто хочет быстрее нас найти и поймать обезьяну.

Мне раньше приходилось сталкиваться с конкурентами. Криптозоология хоть и считается наукой ненастоящей и в чем-то мифической, но охотников заработать денег на редких животных в мире полно. А еще больше людей хотят за это платить. У меня даже был один знакомый враг по имени Андрей, который зарабатывал именно поиском и контрабандой либо редких, либо считающихся вымершими животных. В прошлом году мы столкнулись с ним в поисках гигантского змея. Как результат – змей не достался никому, Андрей как сквозь землю провалился, а у меня до сих пор остался неприятный осадок в душе от произошедшего.

– Андрей здесь? – спросил я прямо.

Дик покачал головой:

– Местные, говорю же. Тут, брат, хрен их разберешь. Все на одно лицо. Индейцы какие-то. Говорят, следят за мной второй день. Вынюхивают, наблюдают. Надо быстрее нам с вами, это самое, собираться и по машинам. Там нужные люди заметут следы, доставят в лучшем виде.

Дик сделал таинственное лицо и потеревил небритый, в золотой щетине, подбородок.

– Ты странно себя ведешь, – буркнул Глеб. – Невеселый, испуганный, какие-то индейцы...

– Они мне вчера «жучка» в рюкзак засунули, – сообщил Дик шепотом. – Пойдемте скорее, все расскажу в дороге. Опасно это – на виду стоять.

Интересное начиналось дело. Никогда не видел Дика таким настороженным. Не испуганным, а именно настороженным.

Глеб сказал:

– У нас же отель. Мне надо будет жене из него позвонить, иначе Юлька сначала меня убьет, а потом тебя.

– Юля у тебя красавица и умница, – отозвался Дик. – Но надо ехать безо всяких регистраций. В Лиме не задерживаемся.

– Мы на конференцию не попадем.

– А у нас там обезьяну из-под носа уведут! Вы зачем приехали вообще? Поисками заниматься? Я ж думал, вы искатели приключений, а не лекции читаете...

– Мы и есть искатели приключений, – насупился Глеб.

Мы с Леопольдом тем временем сняли с ленты наш багаж. Настя, которой передалось тревожное настроение златовлавого великана, оглядывалась по сторонам.

– А что если и правда за нами следят? – тихо спросила она. – Безопаснее будет отправиться сразу с Диком, я так

считаю.

Глеб взмахнул руками:

– «Жучки»! Шпионы! Да вы что! Серьезно? Я лично намерен сначала зарегистрироваться, принять душ, а потом делайте со мной, что хотите. Я семнадцать часов летел! Сколько там еще до этого вашего Куско?

– На машине часов двенадцать, – ответил Леопольд. – Когда я здесь был в последний раз, нормальных дорог не существовало.

Дик показал Леопольду большой палец:

– Сейчас построили шикарнейший автобан. Разметка еще не досохла. Прокатим с ветерком.

– Одиннадцать часов в автомобиле, – фыркнул Глеб. – Нет, друзья, я сначала в душ, потом вас догоню. Идет? Я слишком стар, чтобы не искупаться после долгой поездки. Извините, Лев Игнатьевич.

– Ага. И залысина вон появилась, – сказал Дик.

И хотя в зале прилета было полно народу, где-то играла музыка, вокруг шумело, потрескивало, звенело и грохотало, мне показалось, что мир погрузился в тишину. Глеб, прищурившись, спросил:

– Чего?

– Лысеешь, говорю, – ухмыльнулся Дик. – Старый слишком. Купаться надо, в душик после перелета. Жене позвонить. Ей-ей. В общем, друзья, оставляем товарища тут отдыхать, веселиться, купаться и исследовать достопримечатель-

ности бывшего испанского города, а все, кто душой молод, живо за мной. Чую, нас уже и засекли, и прослушивают.

Глеб, прищурившись еще больше, сказал:

– Мне сорок два почти. Это нормальный возраст, чтобы начать лысеть. Не в двадцать же.

– Вот и я говорю, – подхватил Дик. – Поехали, а? Дружище, ну, я тебя столько времени не видел! Не расстраивай меня!

На секунду показалось, что вернулся тот самый Дик, который занимал собой все пространство вокруг, приковывал внимание и не отпускал. Но вот он снова притих, осмотрелся по сторонам, подхватил наши сумки, закинул их через плечо и поманил нас за собой.

– В общем, кто со мной, тот герой, – шепнул он. – Надо уматывать. Следы заметаем.

Я посмотрел на Глеба, разведя руками. Что было делать? Мы ведь действительно прилетели в Перу не на конференции выступать.

– Заедем по дороге в какой-нибудь отельчик, оттуда позвонишь, – сказал Дик. – Все будет в чистом виде, будь спокоен.

И ведь все мы поддались на обаяние Дика. Умел он уговаривать. Даже в таких невероятных ситуациях. Спустя минуточку мы гуськом шли в сторону выхода из аэропорта, и никому и в голову не могло прийти, что совсем скоро мечта о душе в отеле станет нашей самой заветной мечтой на свете.

Выйдя из аэропорта, мы окунулись в прохладную серость вечера. В Перу сейчас была зима, то есть ночью холодало до плюс десяти – для местных это сильные заморозки, повод надевать теплые вещи, закутаться в шарфы и вообще жаловаться на то, как стремительно прошло лето. Шучу, конечно. Все вокруг ходили в шортах и майках. Это для нас, изнеженных московским солнцем, погода казалась непривычной. Я, например, всегда думал, что в Южной Америке круглый год жара, бананы и дикие обезьяны. Вот что значит ломка стереотипов. А перуанцы, снующие вокруг, как ни в чем не бывало нежились на солнышке и не переставали улыбаться приезжим.

Для нормального жителя Перу европеец – это экзотика и икона для подражания в одном флаконе. Сами перуанцы небольшого роста, кожа у них либо коричневого, либо темно-бронзового цвета, лица плоские, с пухлыми носами и чуть раскосыми глазами. Любой белый человек кажется им волшебным великаном, большие голубые глаза – это чудо, а белые или рыжие волосы – невидаль заморская. Немудрено, что все перуанки только и мечтают, чтобы выйти замуж за европейца и укатить в страну, где все высокие и голубоглазые. Вдобавок среди местного населения довольно распространен слух, что жители Европы поголовно миллионе-

ры. Ну, не могут быть такие красавцы бедняками, разъезжать на автобусах и питаться черт знает чем! Отсюда и бешеный спрос на замужества, без оглядки.

Думается, Дик здесь вообще сошел за бога, с его-то фигурой, золотыми волосами и умением бесшабашно тратить деньги...

Как выяснилось, ехать на автомобилях нам предстояло не двенадцать часов, а всего два – до небольшого городка, где следовало пересесть на автобус, и уже на нем, с относительным комфортом, добраться до Куско.

Неподалеку от аэропорта, в гуще припаркованных авто, которые прятались в тени высоких деревьев, нас поджидали новые приятели Дика. Это были коротконогие, пухленькие перуанцы, с кожей бронзового цвета, крохотными глазками и широкими улыбками. Больше всего они походили на индейцев из фильмов про Чингачгука. Если бы их переодеть, нацепить на головы перья, разукрасить лица – вылитые вожди краснокожих. Разве что не такие гордые и воинственные. А еще самый высокий из них едва доставал мне до плеча.

Перуанцев было пять человек, все мужчины. Увидев нас, они принялись о чем-то восхищенно переговариваться между собой.

– Как ты их понимаешь? – удивился я. Дик славился своей абсолютнейшей неспособностью учить иностранные языки.

– Это все Аннушка, – отозвался он. – Ну и я с помощью электронных переводчиков. Прогресс, елы-палы. Наби-

раешь в переводчике нужное слово, и вуаля. Сразу все можно разобрать.

Мы обменялись рукопожатиями. Суетливый маленький перуанец, которому на вид было лет двадцать, прихватил вещи из рук Глеба и Леопольда и закинул их в багажник небольшого (под стать росту) автомобиля с покрытыми грязью номерами и стеклами. За чистотой тут, похоже, вообще не сильно следили.

Еще один перуанец, заломив руки, принялся что-то тараторить, не сводя с Дика восхищенного взгляда.

– Говорит, что надо срочно отсюда уезжать, – перевела Настя. – За нами следят и все такое. Он видел темные автомобили, что подъехали к аэропорту. Темные автомобили с темными людьми... Жесть какая-то... Дик, ты можешь заплатить за бензин, спрашивают?

– Да-да, конечно, – заторопился встревоженный Дик, достал кредитную карточку и протянул перуанцу. – Пусть сгоняет, заправится, сколько надо.

Перуанец взял кредитку аккуратно, двумя пальцами, и отправился к автозаправке, что виднелась метрах в ста от нас.

– Не переживайте, он знает пин-код, – сказал Дик.

– Ты только что дал кредитку какому-то непонятному чуваку, – заметил я. – Это нормально?

– Мы уже несколько дней вместе. Передвигаемся по городам, путаем следы... Тут, в Перу, без надежных помощников никуда! – Дик ткнул в меня указательным пальцем ле-

вой руки. – Вот к тебе в комнату залезут темные люди, тогда узнаешь!

– Темные люди? Негры, что ли? – ухмыльнулся Глеб.

Дик ухмыльнулся в ответ и рассказал.

Несколько дней назад он решил отправиться в деревню в ста километрах от города Куско, где жили крестьяне, лично видевшие обезьяну де Луа. Дик рассчитывал выжать из беседы максимум. Если надо – заплатить или припугнуть. Главное – добиться, чтобы кто-нибудь свозил его в непроходимую сельву и показал, где конкретно искать. Дик всегда так: мчится сломя голову.

До этого момента Дик с Аннушкой искали обезьяну самостоятельно, на добрых началах. Ездили обычными туристическими маршрутами, ночевали в палатках где-нибудь в природных заповедниках, не углублялись, в общем, от цивилизации. Надо сказать, что в Перу потеряться – раз плюнуть. Особенно, когда хочешь это сделать. Перу – пересечение огромного количества контрастов. Здесь есть и безжизненные пустыни, и непроходимая сельва, и заснеженные горные хребты. Температура может меняться так стремительно, что не успеешь оглянуться, а уже вместо плюс двадцати и яркого солнца угодишь в плюс пять и под промозглый беспощадный дождь.

Как бы там ни было, в этот раз Дик решил отправиться совсем не туристическим маршрутом, а поэтому прошел по местным рынкам и расспросил у людей, кто может ему по-

мочь в этом деле. Дику требовались автомобиль и проводник, знакомый с местными обычаями. Хотя в Перу девяносто процентов населения – испаноговорящие католики, мало ли на кого можно наткнуться в глухой деревне. Местных индейских диалектов тут существовало великое множество, и даже Аннушка, знавшая испанский как второй родной, мало в них разбиралась.

По своей же старой привычке Дик решил, что путь к сердцу любого перуанца лежит через деньги. Никто не знает, как Дик зарабатывает на жизнь, но денег у него всегда было, как у Скруджа. Лично я подозреваю, что Дик давно выстроил где-нибудь личное золотохранилище и купается в деньгах, когда никто не видит. Так вот, он бродил по рынку, предлагал заработать немного новых солей (так странно называлась местная валюта), пока в каком-то сумрачном закутке, где продавали перуанские ковры, доверительного вида перуанец не сообщил Дику, что зря он вот так открыто рассказал всем, что у него есть деньги. Нет, конечно, никто Дика прямо сейчас не тронет. Перуанцы вообще народ дружелюбный и высоко ценят туристов, но, прямо скажем, на богатого жителя далекой страны уже положили глаз несколько неприятных личностей. Проще говоря, местные бандиты.

Перуанец сообщил также, что вон те темные люди наблюдают за Диком и его девушкой добрых полчаса. И действительно – среди прилавков, нагруженных всевозможной рыночной снедью, Дик разглядел тех самых темных людей. Эти

загорелые краснокожие перуанцы были одеты во все темное. Рубашка, шорты, сандалии, очки и даже платок на шею – все непременно темное. Таких людей Дик насчитал шесть человек.

– Могу предложить защиту, – сообщил перуанец вполголоса (Аннушка переводила). – За отдельную плату. Свозим вас в ту самую деревню, а заодно не дадим в обиду.

– Кто это может быть? – спросил Дик.

– Не знаю, – пожал плечами перуанец. – У нас бандитов много, как и военных. Молите бога, чтобы это была какая-нибудь мелкая шайка.

Так, слово за слово, Дик расстался с небольшой суммой ради собственной безопасности. Не то чтобы Дик сильно боялся за свою жизнь. Даже больше – ему было совершенно наплевать на опасности. Но, во-первых, рядом находилась Аннушка, а во-вторых, наличие каких-то темных людей могло отвлечь Дика от поисков криптоида. Он надеялся, что новые друзья помогут безболезненно исчезнуть из поля зрения бандитов.

Таинственный перуанец взял Дика под локоть и повел темными узкими тропами, мимо многочисленных прилавков, в какие-то совершенные дали. Аннушка едва поспевала следом. Неожиданно оказались на краю рынка, среди гор мусора, пустых пакетов и старых автомобилей. В прохладном воздухе отчетливо витал запах гнилой рыбы. Под ногами хрустела мелкая галька. Перуанец провел Дика с Аннушкой

к старому автомобилю и велел забираться на заднее сиденье и не шуметь. В салоне автомобиля тоже пахло рыбой, а еще было противно и душно. Вдобавок Дику пришлось едва ли не сложиться пополам, чтобы влезть. На переднее сиденье запрыгнул невесть откуда взявшийся другой перуанец (они вообще все похожи между собой, но этот был одет по-другому, а еще красил волосы в пятнистый черно-белый цвет – то ли под ягуара, то ли под футбольный мяч). Этот перуанец без лишних слов завел мотор и рванул с места.

Тряслись в тесном салоне минут тридцать. Из потрескивающего гулко радио играл хард-рок. За тонированными стеклами мелькали густые заросли, высокие деревья и высоковольтные столбы. Изредка проскакивали автозаправки, вдалеке виднелись дома и пики гор, укрытые туманом.

Где-то на краю света автомобиль остановился, и перуанец, полуобернувшись и положив локоть на кресло, сообщил, что сейчас надо выходить и нужные люди проведут белолицых к их новому жилищу, где никто и никогда их не найдет.

Нужные люди – тоже два перуанца – оказались улыбающимися жизнерадостными джентльменами (как окрестила их Аннушка). По крайней мере, одеты они были прилично.

В их сопровождении прошло еще минут двадцать пути. Как оказалось, вывезли Дика с Аннушкой на край Лимы, в небогатый район, где обитали, в основном, работники ферм и рудников. Куда ни глянь, увидишь только одноэтажные домики и длинные трубы, из которых тянулся к небу бе-

лый дым. Улочки между домами были узкими, землястыми. Здесь вряд ли мог бы проехать автомобиль. Этими улочками путников привели в небольшой дом, который, казалось, наполовину погрузился в землю. У него пузырилась синяя краска на стенах, крыша была косая, труба – погнутая, а окна выглядывали из земляных насыпей. Даже крыльца не было, а ступеньки за хлипкой дверью вели на полметра вниз, под покаты́й потолок.

Дика с Аннушкой встретили влажный холодный пол, запах какого-то варева, шнуры электричества на стенах и потолке, одинокая лампочка и двое пожилых улыбающихся перуанцев.

– Здесь вы проведете ночь! – сообщил один из сопровождающих. – А завтра мы повезем вас в нормальный номер на берегу океана, где вы сможете жить, не привлекая внимания! Оттуда же и поедем за вашей обезьяной.

Ночь провели на надувном матрасе. Где-то над головой негромко бормотал телевизор. Надоедливые москиты не давали спать, и все время чудилось, что кто-то шлепает босыми ногами по влажной земле.

Наутро же появился загорелый перуанец в грязных джинсах и растянутой майке (надо заметить, что перуанцы вообще не очень-то следили за тем, во что и как одеваются). Он поведал, что темные люди вчерашним днем опросили всех людей на рынке, пытаясь выяснить, куда подевались Дик с Аннушкой. Что эти бандиты – участники местной шайки,

которая занимается отловом и контрабандой редких животных за границу. Дик их неслабо испугал, разведывая об обезьяне де Луа. Темные люди решили, что такая обезьяна действительно существует. Более того – она уже у Дика в руках, а стало быть, ее надо немедленно изъять. В общем, теперь члены шайки ведут за Диком охоту.

В связи с этим отель на берегу океана отменялся. Возникла необходимость путать следы. Следовало поехать несколько дней по различным небольшим городкам, затеряться, подождать, пока напряженность спадет.

– Вот и мотаемся, – пожал плечами Дик. – Я даже душ принимаю максимум раз в три дня.

К этому времени мы уже мчались по новенькой многополосной трассе прочь из столицы Перу, в которой я так и не побывал. Город Лима удивительно походил на Москву образца начала девяностых. Всюду старинные домики и особняки, вокруг которых росли к небу новостройки из стекла и бетона удивительных конструкций и форм. Одно на одном, будто грибы после дождя, безо всякого генерального плана.

В какой-то момент мы вынырнули из сверкающих небоскрегов на открытую эстакаду, и я увидел справа от автомобиля, метрах в двухстах, голубое полотно Тихого океана. Волны лениво падали на песчаный берег, кружились птицы, белели корабли и яхты. Серое небо будто падало сверху, накрывало океан дырявой шалью, а сквозь дыры скользили лучи яркого закатного солнца.

Заглядевшись на дивное зрелище, я услышал краем уха, как Настя спрашивает:

– А что с «жучками»?

– Это вообще отдельный разговор, – продолжал Дик. – Представляешь, мы вчера остановились в одной хижине! Так вот, легли спать. Мы с Аннушкой, как положено, на матрасе. И сквозь сон чуется мне, что кто-то форменно бродит по

комнате. Не знаю, приснилось или нет, но, в общем, просыпаюсь, глядь – а рюкзак-то мой не на месте!

– Украли?

– Хуже! Выпотрошили весь и бросили у дверей! Я к нему, проверяю, документы, значит, кредитки, деньги. Ничего не взяли. Ну, вы же меня знаете, я старый волк, воспитывался на боевиках, решил прощупать пальцами рюкзачок-то. Ну и наткнулся в боковом кармашке на самом дне вот на такую штуку. А? Каково?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.